

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 165.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-75-85

ПРИРОДА НАУЧНОЙ ИСТИНЫ

Лебедев С. А.

Московский государственный университет им М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Целью статьи является сравнительный анализ основных концепций природы научной истины: эмпиристской, рационалистической, априорно-апостериорной и консенсуалистской.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляет реконструкция основных концепций природы научной истины, выявление их философских оснований и возможностей.

Результаты проведённого исследования. По итогам исследования сделан следующий вывод: консенсуалистская концепция природы научной истины является наиболее обоснованной и соответствующей когнитивной практике современной науки во всех её областях.

Теоретическая и / или практическая значимость полученных результатов: могут быть использованы в преподавании дисциплин «история и философия науки» и «методология научного познания», в формировании современной методологической культуры учёного.

Ключевые слова: истина, рационализм, эмпиризм, априорно-апостериорная концепция, консенсуальная концепция

THE NATURE OF SCIENTIFIC TRUTH

S. Lebedev

Lomonosov Moscow State University

27 / 4 Lomonosovskii prospekt, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article analyzes four basic concepts of the nature of scientific truth: empiric, rationalist, a priori-a posteriori and consensual.

Methodology and Approach. The study is focused on the reconstruction of the basic concepts of the nature of scientific truth, their philosophical foundations and capabilities.

Results. The author argues that only a consensual concept best corresponds to both the history of scientific knowledge and modern cognitive practice of science.

Theoretical and / or Practical Value. The research data can be used in teaching such disciplines as History and Philosophy of Science and Methodology of Scientific Knowledge.

Keywords: truth, rationalism, empiricism, a priori - a posteriori concept, consensual concept

ВВЕДЕНИЕ

Проблема природы научной истины – это вопрос о том, способна ли наука своими методами и средствами достичь и легитимизировать получаемое в ней знание как истинное [3]. Каким необходимым и достаточным условиям должно удовлетворять научное знание и его различные виды, чтобы считаться истинным (проблема критерия истинности научного знания)? С особой силой эти проблемы встали перед наукой нового времени, в период становления современного естествознания и социально-гуманитарных наук. Это время стало началом поиска некоего универсального научного метода [1]. Однако, последующее развитие науки и её философской рефлексии убедительно продемонстрировало утопичность такого поиска и неизбежный плюрализм методов получения и обоснования научного знания в силу качественного разнообразия предметов и целей познания в разных областях науки, на разных уровнях научного познания, в разных конкретных науках и проблемных областях. Оказалось, что в силу структурного плюрализма реальной науки в ней невозможен не только некий единый универсальный метод получения и обоснования знания, но и некий универсальный критерий истинности для разных видов научного знания. Реальный плюрализм структуры современной науки стал пробным камнем оценки состоятельности всех основных концепций природы научной истины, которые были разработаны в рамках классической философии и методологии науки [12].

1. РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Сущность рационалистской концепции природы научной истины состоит в утверждении, что научная истина – не результат чувственного опыта, а продукт мышления. Начало такого понимания природы научной истины было чётко сформулировано философами и учёными Древней Греции (Парменид, Платон, Зенон, Эвклид и др.). В Новое время эта традиция была

продолжена Р. Декартом. В его методологической концепции утверждалось, что научная истина имплицитно (неявно) уже находится в человеческом уме. Выявляться она должна путём рефлексии мышлением своего содержания с помощью определённого набора его собственных средств: сомнения, критики, интеллектуальной интуиции, дедукции (средства «естественного света разума»).

2. ЭМПИРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Другой крупный методолог науки Нового времени Ф. Бэкон поставил важный вопрос о факторах, затемняющих или искажающих научную истину, развив концепцию идолов или «призраков» истины. Он же предложил и главные методы устранения этих призраков (толпы, театра, рынка и др.). Это – экспериментальное исследование объекта и последующее индуктивное обоснование полученной истины о нём. Только такой путь познания мира, утверждал Бэкон, может увеличить могущество человека и дать ему реальную власть над природой. Кант попытался примирить рационализм Декарта и эмпиризм Бэкона в вопросах получения и обоснования научной истины. Основу такого примирения он видел в признании существования в сознании априорных предпосылок осуществления как чувственного, так и рационального познания.

3. АПРИОРНО-АПОСТЕРИОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

И. Кант был согласен с Бэконом в том, что научное познание начинается с чувственного опыта, но добавлял при этом, что это не означает, что научное знание логически следует из опыта. Условием получения научных знаний о познаваемых объектах («вещах в себе») является, по Канту, структурирование чувственной информации о вещах в себе с помощью неких априорных форм сознания, таких как пространство и время, а также категорий рассудка (основных онтологических кате-

горий) и логических законов мышления. Данные априорные структуры образуют основу человеческого сознания, обеспечивая принципиальную возможность продуцирования и конституирования истинных суждений и научных доказательств. Однако как рационализму и дедуктивизму Декарта, так и эмпирико-индуктивизму Бэкона, а также априоризму Канта не суждено было стать общезначимой методологией реальной науки [6].

Как известно, одним из оснований истинности любой эпистемологической концепции должно быть её соответствие реальной деятельности учёных. Рассмотрим вопрос соответствия рационалистской, эмпирической и априорно-апостериорной концепций природы научной истины реальной истории науки. Особое внимание уделим априорно-апостериорной концепции, поскольку считалось, что в ней удалось преодолеть односторонность эмпиризма и рационализма и одновременно сохранить их положительное содержание.

4. КРИТИКА АПРИОРНО-АПОСТЕРИОРНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Первым серьёзным шагом в критике априорно-апостериорной концепции Канта стало неприятие реальными учёными его идеи «трансцендентального» или абсолютного (то есть вневременного) субъекта научного познания. В качестве антитезы трансцендентальному субъекту Канта были предложены реальные учёные, то есть эмпирические субъекты научно-познавательной деятельности. Вторым шагом в неприятии кантовской эпистемологии было несогласие с его идеей об априорной предпосылочности любого акта познавательной деятельности. Учёные были согласны с предпосылочным характером реальной научно-познавательной деятельности, но не в априористском истолковании этой предпосылочности, а только в историческом её понимании, а именно как признания существенной детерминации реального процесса научного познания результатами его предшествующего разви-

тия, а также о его детерминации процесса существующим социокультурным контекстом. Концепция социально-исторической природы научного познания, а также и необходимого удостоверения его результатов на практике для современной науки и её философии стала фактически общепризнанной [8; 9].

Если историческая и социокультурная предпосылочность социально-гуманитарного знания была осознана давно, то в естественных науках и математике внеисторические эпистемологические концепции Декарта, Бэкона и Канта имели существенное влияние вплоть до начала XX в. Для такого положения дел было несколько причин. Дело в том, что в естественных науках долгое время господствовала объективистская установка, согласно которой при описании природных явлений влияние реального субъекта научного познания на содержание знания не имеет существенного значения, иначе утверждать о возможности достижения объективной истины невозможно. Последняя гарантирована лишь в том случае, если в качестве субъекта научного познания будет рассматриваться некий абсолютный наблюдатель. И прогресс в развитии классического естествознания XVII-XIX вв. и применения его результатов на практике, казалось, прекрасно подтверждали эту объективистскую установку.

Ситуация, однако, радикально изменилась в связи с кризисом в физике в начале XX века. Как начало этого кризиса, так и предложенный путь выхода из него были связаны с работами А. Эйнштейна и А. Бора по теории относительности и квантовой механике. С философско-методологической точки зрения особый интерес представляли три момента: 1) революция в физике вскрыла фундаментальный факт ограниченной применимости старых классических теорий и законов физики; 2) в новом свете предстала старая идея физической относительности; 3) при анализе явлений микромира были сформулированы новые для физического познания принципы: принципы неопределённости

и дополнительности. Релятивистская механика, отказавшись от идеи привилегированного, абсолютного наблюдателя при описании явлений, уравнила в теоретических правах все инерциальные системы отсчёта. В результате качественно изменился (и с физической, и с философской точки зрения) сам смысл понятия относительности. Это изменение влекло за собой ряд далеко идущих философских следствий. Во-первых, следовал вывод о существовании не только когнитивной, но и объективной относительности в природе (относительность к определённым условиям и ситуациям). Во-вторых, последовало более широкое истолкование понятия физической относительности. Теперь оно включало в себя три аспекта: 1) зависимость некоторых характеристик явлений от условий их локализации, 2) принципиальная различимость свойств объектов и процессов (например, их пространственной протяжённости и временной длительности) для наблюдателей, находящихся в разных системах отсчёта, 3) независимость законов природы от систем отсчёта. В результате такого более широкого понимания относительности проблема истинности физического знания встала по-новому: одни и те же физические процессы и события могли восприниматься разными наблюдателями по-разному, но оба наблюдателя имели равное право на утверждение объективной истинности наблюдаемых ими экспериментальных данных в своей системе отсчёта.

Возникла проблема: насколько гносеологические уроки, обусловленные развитием новой физики, имеют общенаучный характер? Можно ли философские результаты, полученные в процессе развития физики, распространить и на другие области научного познания? Крупнейшие физики XX в. много размышляли об этой проблеме. Например, А. Эйнштейн неоднократно заявлял об общей гносеологической важности осмысления новейших открытий в физике [11]. Бор в своих публичных выступлениях и общетеоретических статьях также обращал внимание на существова-

ние аналогии между дополнительностью описания в квантовой физике и описанием познавательных ситуаций в других науках, в частности психологии, биологии, культурологии и др. [10].

Если для классической науки объективность означала полное исключение наблюдателя из картины мира, то современные учёные стали исходить из другого тезиса: научное описание неизбежно связано с наблюдателем, принадлежащим тому миру, который он описывает, а не с неким трансцендентальным субъектом, созерцающим наш мир «извне». Так, в частности, считают представители такой новой фундаментальной физической теории, как синергетика, И. Пригожин и И. Стенгерс. С их точки зрения, реальный учёный как субъект познания (наблюдатель) – это не некое абстрактное существо, а вполне конкретное существо, оперирующее столь же конкретными физическими приборами, инструментами измерения и находящееся в физически определённой «познавательной позиции» (например, в некоторой системе отсчёта). Наблюдатель неотделим от своей позиции, а эта последняя составляет часть описываемой им реальности [13]. В результате оказывается, что некоторые аспекты исследуемых явлений зависят от позиции наблюдателя, а другие – инвариантны (не зависят).

Если попытаться дать обобщённое описание научно-познавательной ситуации, то необходимо констатировать, что она состоит из двух основных элементов: предмета познания и условий познания. В объективированном языке условия познания могут быть обобщённо названы «когнитивной системой отсчёта» [2]. Содержание этой системы образует совокупность определённых предпосылок философского («метафизического»), исторического, социокультурного, научно-теоретического и физического (реальная физическая система отсчёта или условия наблюдения), с позиций которых рассматривается конкретный предмет познания. По своему онтологическому статусу «когнитивная система отсчёта» является впол-

не объективной, так как не является продуктом конструктивной деятельности ни отдельного учёного, ни даже коллективного субъекта научного познания, ибо почти все её элементы «присваиваются» субъектом познания из арсенала существующей культуры. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что субъект научного познания является активным конструктором когнитивной системы отсчёта. Именно он своей волей и творчеством «собирает» ту или иную когнитивную систему отсчёта и идентифицирует себя с ней. Поэтому для полного понимания содержания когнитивной системы отсчёта всегда очень важно знать характеристики самого познающего субъекта: кто познаёт, как (с помощью каких средств) познаёт, наконец, для чего (с какой целью, целями) познаёт. Очевидно, что ответ на последний вопрос невозможен вне анализа ценностной сферы познания. Хотелось бы также подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, субъект научного познания играет активную роль не только в формировании условий познания, но и в решении вопроса о том, что познаётся (содержание предмета познания). Это – также результат определённого когнитивного решения субъекта, а не просто (не только) детерминации сознания субъекта со стороны объекта («вещи в себе»). Именно вся когнитивная система отсчёта в целом, а не только физическая система отсчёта, являющаяся лишь одним из её элементов, задаёт (формирует) соответствующий интервал, «угол видения» познаваемого объекта.

В качестве факторов, существенно определяющих перспективу видения познаваемого объекта, могут выступать следующие: накопленные знания; практические потребности; цели и задачи познания; идеалы и нормы научного исследования; мировоззренческие и философские основания. Эти факторы могут быть устойчивыми, долговременными, глубинными, но могут быть и быстро изменяющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как определённые реальные основания и предпосылки процесса научно-

го познания и получения соответствующего научного знания. Когнитивная система отсчёта предполагает учёт и фиксацию, во-первых, конкретной познавательной перспективы, с позиций которой рассматривается или решается та или иная научная проблема, а во-вторых, внешние условия познания, и в частности материальные условия и инструментальные предпосылки предполагаемого исследования проблемы. И тот и другой момент в равной степени могут быть отнесены к объективным условиям познания.

Сегодня уже бесспорным фактом как истории науки, так и её современного состояния является то, что на один и тот же изучаемый объект наука способна посмотреть по-разному, предлагая его различные модели и теории, иногда даже противоречащие друг другу. В философии и методологии науки этот факт и те гносеологические вопросы, который он поднимает, получил название проблемы конкурирующих научных теорий. Особенно острое гносеологическое звучание эта проблема имеет при обсуждении проблемы истинности фундаментальных или «парадигмальных» (Т. Кун) конкурирующих теорий [4]. Количество таких противоречащих друг другу теорий, каждая из которых часто претендует не просто на истинное, но и на единственно истинное знание о познаваемой области действительности, постоянно растёт вместе с развитием науки. Наиболее яркими и хорошо известными примерами подобных конкурирующих и несовместимых теорий в науке являются: геоцентрическая и гелиоцентрическая система мира, эвклидова и неэвклидовы геометрии, аристотелевская и ньютоновская механика, классическая механика и теория относительности, классическая механика и квантовая механика, классическая и конструктивная математика, корпускулярная и волновая теория света и вещества, ламаркизм – дарвинизм; детерминизм – индетерминизм; причинность – телеология; элементаризм – холизм; классическая термодинамика – синергетика; модель бесконечной и вечной вселенной классиче-

ской космологии и релятивистская модель Вселенной современной космологии, как имеющей начало во времени, конечной в пространстве и при этом эволюционирующей и т. д. Наличие такого плюрализма подтверждается не только материалом истории науки, но и её современного состояния во всех областях и на всех уровнях научного познания. Этот факт может быть правильно объяснён только при принятии следующих философских положений: 1) конструктивно-репрезентативного характера научного познания, особенно на уровне научных теорий [7]; 2) отсутствии абсолютно надёжного, «окончательного», эмпирического и / или теоретического базиса любых концепций; 3) всегда ограниченной разрешающей силы любых эмпирических или теоретических моделей по отношению к своему предмету («прототипу»); 4) неустрашимости в принципе из науки неявного и личностного знания; 5) социально-исторического характера научного познания и её субъектов [8].

5. КОНСЕНСУАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ НАУЧНОЙ ИСТИНЫ

Для современной философии и методологии науки стало очевидно, что как постановка, так и решение любой научной проблемы не могут быть адекватно осмыслены вне их культурно-исторического контекста, вне господствующего в данную эпоху стиля научного мышления, вне тех или иных методологических установок, парадигм (Т. Кун) или «тем» (Дж. Холтон) [1]. И это не только иногда неосознаваемый реальный «социокультурный фон», но и самые обычные экономические и социальные факторы, которые также постоянно оказывают существенное влияние на процесс развития реальной науки [8]. Конечно, конкретные исторические, социальные и культурные факторы всегда в известной степени огрубляют результаты познания, демонстрируя неизбежную историческую ограниченность усилий людей познать абсолютно адекватно окружающий их природный и социальный мир.

Но вместе с тем невозможно отрицать, что исторический, социальный и культурный контекст является абсолютно необходимым условием осуществления самой научно-познавательной деятельности. И в этом отношении имеется глубокое сходство осуществления процесса научного познания во всех областях научного знания: в естествознании, математике, социально-гуманитарных и технических науках. Признание этого обстоятельства требует радикального пересмотра всей традиционной эпистемологии и принятия её новых принципов. К этим принципам относятся следующие утверждения:

- и в естествознании, и в социальных науках истина всегда относительна, так как зависит от онтологически задаваемых «систем референции», от интервалов абстракции, от когнитивных систем отсчёта;

- необходимость фиксирования и чёткого описания всех принимаемых предпосылок и условий постановки той или иной научной проблемы, проведения её соответствующего научного исследования и полученного результата – необходимое условие методологически корректного решения проблем научной истинности знания не только в естествознании, но и в социально-гуманитарных науках;

- любая истина теряет всякую определённую и содержательность, если не указывается, относительно какого интервала абстракции она имеет однозначный и проверяемый смысл;

- всякий предмет как естественно-научного, так и социально-гуманитарного познания принципиально многослоен и многомерен, поэтому он может стать чем-то эффективно познаваемым только будучи заданным в достаточно чётком интервале абстракции относительно фиксированной познавательной ситуации;

- всякая научная истина предпосылочна и связана с каким-то конкретным измерением многомерного объекта познания. Освоение объекта в том или ином интервале всегда предполагает конкретную систему понятий и особую познавательную стратегию;

- отдельные «образы объекта» не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одной интеллектуальной перспективы к другой;

- диалог, конвенции и научный консенсус – это абсолютные необходимые условия достижения и утверждения истины в научном познании, ибо, только опираясь на эти средства, можно достигнуть максимальной определённости научного знания и его эффективности при применении на практике и реализации приоритетных ценностей и целей научного познания [2].

Описывая научную деятельность, необходимо учитывать не только субъект-объектные отношения, определяемые во многом содержанием изучаемых объектов, но и межсубъектные когнитивные коммуникации. Необходимыми элементами когнитивных коммуникаций в научном познании являются прежде всего многочисленные научные конвенции, принимаемые научным сообществом [5]. Совокупность научных конвенций в отдельной науке или научной дисциплине представляет собой достаточно консервативную систему знания, но, вместе с тем, систему, принципиально открытую к введению новых конвенций, изменению старых или отказу от них. Механизмом, регулирующим этот процесс, является, на наш взгляд, научный консенсус [5]. При этом необходимо учитывать, что выработка в научном сообществе консенсуса занимает иногда довольно длительный промежуток времени, особенно в отношении признания истинности новых фундаментальных теорий (гелиоцентрическая система астрономии – около 200 лет, неевклидовы геометрии – около 50 лет, генетика – около 50 лет, частная теория относительности – около 20 лет, конструктивная математика – около 50 лет и т. д.). На процесс выработки научного консенсуса в отношении истинности различных единиц научного знания влияют не только логико-эмпирические факторы, но и мировоззренческие, социальные и практические установки учёных.

Важное место в достижении научного консенсуса играют философская рефлексия научного познания и методологическая культура учёных. Особенно значимыми эти факторы становятся в эпоху изменения представлений о научной рациональности и выработке новых идеалов и норм научного исследования, легитимирующих новые методы научного познания [4].

Для правильного понимания консенсусального характера научных истин важную роль играет осознание того принципиального положения, что главным субъектом научного познания является не отдельный учёный, а научный коллектив как производитель и оценщик результатов научного познания [14]. Хотя научный коллектив как представитель определённого сегмента научного знания и состоит из определённого множества отдельных учёных, объединённых общим предметом исследования, однако с экзистенциальной точки зрения каждый из них является свободной и независимой личностью. Часто положение здесь таково, что члены одного и того же дисциплинарного сообщества (например, физики-ядерщики, генетики, математики-алгебраисты и т. д.) существенно распределены в пространстве и вообще лично незнакомы друг с другом. Что же их делает единым коллективным субъектом научного познания? Применительно к современной мировой науке ответ состоит в следующем: это густая сеть информационных каналов и когнитивных связей между отдельными учёными, причём часто неформальных и социально анонимных, то есть специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра. Одним из важнейших результатов коммуникаций внутри дисциплинарного научного сообщества является, в частности, достижение определённого консенсуса в отношении истинности, доказанности, однозначности или эффективности той или иной концепции или гипотезы. И несомненно, что существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих учёных в соответствующей области научного знания как её наиболее авторитетных экс-

пертов. Если научная конвенция – дело личной ответственности отдельного учёного, то научный консенсус – это уже познавательный результат и коллективная ответственность дисциплинарного научного сообщества за признание некоторой гипотезы, теории истинной, научной или ложной и ненаучной [15].

Безусловно, конвенционалисты были правы в том, что решение вопроса об истинности любой научной гипотезы или теории, помимо их соответствия определённому набору эмпирических, теоретических и логических критериев, требует от учёного принятия соответствующего когнитивного решения [5]. Однако с ними трудно согласиться в том, что главным субъектом такого решения выступает отдельный учёный, а не профессиональное научное сообщество. Но именно научное сообщество имеет больше оснований, чем любой отдельный учёный, претендовать на роль носителя объективного научного разума. Реальным субъектом научного познания выступает именно научный коллектив, состоящий из отдельных учёных, которые с экзистенциональной точки зрения хотя и являются свободными личностями, однако связаны между собой предметными и коммуникационными связями осуществления коллективной научной деятельности. И это несмотря на то, в современной мировой науке положение дел таково, что члены одного и того же дисциплинарного сообщества существенно распределены в пространстве и часто вообще лично не знакомы друг с другом. Что же их связывает друг с другом и делает единым коллективным субъектом научного познания? Ответ прост: густая сеть информационных каналов и когнитивных связей, причём часто неформальных и социально анонимных, то есть специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра. Результатом этих коммуникаций внутри коллективного субъекта науки является достижение среди его членов определённого консенсуса в отношении всех принципиальных вопросов научного познания: истинности, доказанности, однозначности

или эффективности той или иной концепции или гипотезы. При этом в отличие от множества научных конвенций, являющихся результатом сознательно-договорного и рационально-контролируемого поведения учёных относительно истинности некоторого высказывания или теории, научный консенсус является итогом длительных переговоров, дискуссий, а нередко и столкновения позиций учёных во время этого во многом стихийного и социального по своей сути познавательного процесса. При этом существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих учёных в соответствующей области научного знания, её наиболее авторитетных экспертов. Если научная конвенция – дело личной ответственности отдельного учёного, то научный консенсус – действие дисциплинарного научного сообщества как социального субъекта и его коллективная ответственность за признание некоторой теории истинной, научной или даже лженаучной. Таким образом, различия в основаниях и механизме принятия когнитивных решений при конвенционалистском и консенсуалистском подходе весьма существенны. Соответственно этим различиям научная истина при конвенционалистской трактовке механизма её принятия неизбежно имеет субъективный характер, тогда как при консенсуалистском подходе она приобретает уже социальный и объективный характер в силу самой природы консенсуса. Хотя в обоих случаях научная истина признаётся имеющей условный и относительный характер, но только при консенсуалистском понимании её природы она приобретает такие свойства, как общезначимость, социальность и историчность, что полностью соответствует реальному научному познанию и его результатам. Достоинством консенсуалистской интерпретации природы научной истины является также то, что она вбирает в себя все рациональные зёрна других концепций научной истины, которые были разработаны в истории философии науки. В силу огромного массива накопленного и апробированного научного знания, с ко-

торым любой учёный вынужден считаться как с такой же непреложной реальностью, как и исследуемая им природа, свобода действий, как отдельного учёного, так и профессионального научного сообщества, всегда ограничены и состоянием, и возможностями, и объективными закономерностями развития научного знания.

ВЫВОДЫ

1. Существуют четыре основных концепции в решении проблемы природы научной истины: эмпирическая, рационалистическая, априорно-апостериорная и консенсуалистская.

2. Согласно эмпирической парадигме природы научной истины основой, источником и критерием истинности любой единицы научного знания может и должен быть только эмпирический опыт. Однако этой парадигме противоречит характер истинности математического знания, а также научных теорий в естествознании и гуманитарных науках.

3. Согласно рационалистской парадигме природы научной истины основой, источником и критерием истинности научного знания может и должно быть только мышление, главными средствами которого являются интеллектуальная интуиция, дедукция и идеализация. Этой парадигме противоречат способы установления в реальной науке истинности чувственных данных, научных фактов, а также – частично – эмпирических законов.

4. Сторонники априорно-апостериорной концепции считают, что научная истина – результат единства опыта и мышления как средств познания объективной реальности, но это единство основано на апри-

орных формах чувственного и теоретического познания (пространства, времени, категорий логики и философии). Именно благодаря им обеспечивается общезначимость научного знания и его истинность. Главными недостатками этой концепции являются неправомерное отождествление относительно априорного знания с абсолютным знанием, трактовка субъекта научного познания как внеисторического субъекта и непонимание социальной природы научного познания.

5. Основой консенсуалистской концепции природы научной истины является конструктивно-репрезентативная концепция процесса познания [15; 16]. Консенсуалистская концепция исходит из принципиально социального характера научного познания. Его реальным субъектом не является ни трансцендентальный субъект, ни отдельный учёный, а только дисциплинарное научное сообщество. Функционирование научного познания основано не только на познавательном отношении между субъектом и объектом познания, но и на субъект-субъектных коммуникациях членов научного сообщества. В силу всегда имеющей место как эмпирической, так и теоретической недоопределённости любой единицы научного знания, принятие научным сообществом решения об её истинности неизбежно имеет экспертный и консенсуальный характер. Консенсуальный характер истинности имеет место во всех областях науки и на всех уровнях научного исследования: чувственном, эмпирическом, теоретическом, метатеоретическом [17; 18].

Статья поступила в редакцию 11.12.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. А. Методология научного познания. М.: Проспект, 2015. 256 с.
2. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. №6. С. 53–64.
3. Лебедев С. А. Проблема истины в науке // Человек. 2014. №4. С. 123–135.
4. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. №5. С. 66–79.
5. Лебедев С., Коськов С. Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. №5. С. 57–69.
6. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. М.: Академический проект, 2014. 285 с.
7. Лекторский В. А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. №1. С. 19–26.

8. Пружинин Б. И. Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы // Вопросы философии. 2014. №12. С. 4–13.
9. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре // Вопросы философии. 2012. №5. С. 18–25.
10. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. В. А. Фока и А. В. Лермонтовой. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 151 с.
11. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. [Перевод] / Под ред. И. Е. Тамма [и др.]. Т. 4. М.: Наука, 1967. 600 с.
12. Лебедев С. А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013. №4. С. 69–83.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Перевод с англ. Ю. А. Данилова; Общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. Лебедев С. А. О двояком понимании категорий объект и субъект научного познания // Журнал философских исследований. 2019. Т. 5. №1. С. 3–9.
15. Лебедев С. А. Консенсуальная природа научных истин // Известия Российской академии образования. 2018. № 2 (46). С. 5–12.
16. Лебедев С. А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер // Гуманитарный вестник. 2019. №3 (77). С. 3.
17. Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №2. С. 8–21.
18. Лебедев С. А. Уровневая концепция истинности научного знания // Известия Российской академии образования. 2018. №4 (48). С. 5–19.

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Metodologiya nauchnogo pozniyaniya* [Methodology of Scientific Knowledge]. Moscow, *Prospekt Publ.*, 2015. 256 p.
2. Lebedev S. A. *Peresborka epistemologicheskogo* [Rebuilding the Epistemological]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2015, no. 6, pp. 53–64.
3. Lebedev S. A. *Problema istiny v nauke* [The Problem of Truth in Science]. In: *Chelovek* [Human], 2014, no. 4, pp. 123–135.
4. Lebedev S. A. *Struktura nauchnoj racional'nosti* [The Structure of Scientific Rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2017, no. 5, pp. 66–79.
5. Lebedev S., Kos'kov S. N. *Konvencionalistskaya filosofiya nauki* [Conventionalistic Philosophy of Science]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2013, no. 5, pp. 57–69.
6. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. *Epistemologiya i filosofiya nauki: klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology and Philosophy of Science: Classical and Non-classical]. Moscow, *Akademicheskii proekt Publ.*, 2014. 285 p.
7. Lektorsky V. A. [Constructivism vs Realism]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2015, no. 1, pp. 19–26.
8. Pruzhinin B. I. *Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: konceptual'nye vozmozhnosti i metodologicheskie perspektivy* [Cultural-historical epistemology: conceptual opportunities and methodological perspectives]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 12, pp. 4–13.
9. Stepin V. S. *Nauchnaya racional'nost' v tekhnogennoi kul'ture* [Scientific rationality in man-made culture]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 5, pp. 18–25.
10. Bohr, Niels. *Atomic physics and human knowledge* (Russ. ed.: Fok V. A., Lermontova A. V., transl. *Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie*. Moscow, Foreign Literature Publ., 1961. 151 p.).
11. Einstein A. *Sammlung von wissenschaftlichen arbeiten: in 4 Bänden* (Russ. ed.: Tamm I. E. et al., transl. *Sobranie nauchnykh trudov* [Collected of Scientific works: In 4 vol.]. Vol. 4. Moscow, *Nauka Publ.*, 1967. 600 p.).
12. Lebedev S. A. *Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnye konceptii* [Post-non-classical epistemology: basic concepts]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2013, no. 4, pp. 69–83.
13. Prigozhin I., Stengers I. *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature* (Russ. ed.: Danilov Yu. A., Arshinov V. I., transl. *Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi*. Transl. from English by Danilov Yu. A., General editorship and afterword by Arshinov V. I. Moscow, *Progress Publ.*, 1986. 432 p.).

14. Lebedev S. A. *O dvoyakom ponimanii kategorij ob"ekt i sub"ekt nauchnogo poznaniya* [On dual understanding of the categories of object and subject of scientific knowledge]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Philosophical Research], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 3–9.
15. Lebedev S. A. *Konsensual'naya priroda nauchnyh istin* [The consensual nature of scientific truths]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2018, no. 2 (46), pp. 5–12.
16. Lebedev S. A. *Nauchnaya istina: konsensual'no-ekspertnyj kharakter* [Scientific truth: the consensual expert in nature]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2019, no. 3 (77), pp. 3.
17. Lebedev S. A. *Tri epistemologicheskikh paradigmy: klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya* [Three epistemological paradigms: classical, nonclassical and postnonclassical]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 8–21.
18. Lebedev S. A. *Urovnevaya koncepciya istinnosti nauchnogo znaniya* [Level concept of truth in scientific knowledge]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the Russian Academy of Education], 2018, no. 4 (48), pp. 5–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

Sergey A. Lebedev – Doctor of Philosophy, professor, chief researcher at the Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Природа научной истины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. №1. С. 75–85.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-75-85

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Nature of Scientific Truth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 1, pp. 75–85.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-1-75-85